

Лагерлёф Сельма

Роза Христа

(часть 2)

В разгаре лета монастырь Овед посетил сам архиепископ Авессалом из Лунда.

Он пожелал осмотреть прославленный сад аббата Иоанна. Но на этот раз аббат Иоанн был до странности рассеян и задумчив.

Показывая архиепископу благоухающие цветы и целебные травы, он путал их названия и не сразу мог вспомнить, из какой заморской страны он их привёз.

Он невольно всё время вспоминал слова жены разбойника о рождественском саде и в его ушах, не умолкая, звучал доверчивый голосок ребёнка: «Матушка говорит правду... Матушка говорит правду...»

Аббата Иоанна так и подмывало рассказать епископу Авессалому о небесном саде в непроходимой лесной чаще, но завёл он речь сначала совсем о другом.

— Ваше преосвященство, — сказал он, — вы уже немало наслышаны о генигерском разбойнике, отвергнутом людьми и церковью. Думаю, было бы самым верным, если бы вы дали ему вольную грамоту и он мог бы начать честную жизнь. Ведь у него пятеро сыновей там в пещере, и они вырастут такими же преступниками, а то и похуже. Тогда в горах соберётся уже целая шайка разбойников.

Но архиепископ только покачал головой.

— Такому безбожнику нет места среди верных христиан, — сказал он. — Нет уж, пожалуй, будет лучше, если эта семейка навсегда останется в своём зверином логове.

Аббат Иоанн вспомнил, как мальчуганы в рваных одежках послушно шли вслед за матерью. Старший нёс на руках самого младшенького, и тот, сомлев от усталости, уснул, обхватив шею брата грязной ручонкой. Слезы жалости навернулись на глаза старого аббата. И тогда, не выдержав, он

рассказал архиепископу Авессалому про чудесный рождественский сад в Генигерском лесу.

— Если эти разбойники достаточно хороши, чтобы сам Господь Бог являл им своё величие, — с волнением проговорил он, — неужели они настолько злы и греховны, что не поймут доброту людей?

Но горячность аббата Иоанна только позабавила архиепископа.

— Обещаю тебе, — сказал он с лёгкой улыбкой, — если ты пришлешь мне цветок из рождественского сада в Генигерском лесу, можешь не сомневаться, я тут же подпишу вольную грамоту разбойнику.

Конечно, это была не больше чем шутка. Епископ Авессалом с тайной горестью посмотрел на аббата Иоанна и подумал: «Совсем одряхлел старый добрый аббат, впал в детство и верит всяким бредням и выдумкам...»

Но аббат Иоанн не заметил насмешки в словах архиепископа. Лицо его посветлело, он низко поклонился, сложив на груди руки.

— Ваше преосвященство, благодарю вас. Вы всегда были добры к заблудшим и несчастным. А цветок я вам пришлю непременно. Сердце мне подсказывает, Господь Бог поможет мне в этом...

С тяжёлой душой покинул на этот раз монастырь Овед архиепископ Авессалом. «Да, придётся подыскать нового настоятеля для монастыря Овед, как это ни печально, — рассуждал он в пути. — Бедный старый мечтатель аббат Иоанн, он стал совсем слабоумным...» Осыпались цветы в монастырском саду, наступила осень. А вот и первые снежинки закружились вокруг монастырских башен. Аббат Иоанн принялся нетерпеливо отсчитывать дни. Наконец наступила рождественская ночь. Маленький кулачок крепко постучал в монастырскую дверь. — Эй, старый аббат, поторопись! Холодина-то какая! Ух, как я замёрз! — послышался детский голос.

Аббат Иоанн выглянул в окно и увидел старшего сынишку разбойника. Он не стоял на месте, а приплясывал от холода в своих жалких обтрёпанных лохмотьях.

Аббат Иоанн спустился со ступеней и укутал ребёнка тёплой накидкой.

Послушник Марсалий, что-то невнятно бормоча себе под нос, помог аббату забраться на лошадь, и они двинулись в путь. Мальчишка бежал впереди и указывал им дорогу.

Жгучий ветер, гулявший по равнине, окружил их ледяным кольцом. Но аббат Иоанн не замечал ни пронизывающих порывов ветра, ни колючего снега.

— Друг мой Марсалий! — радостно повторял он. — Поверь, ты не пожалеешь, что вызвался сопровождать меня, старика, в эту ненастную ночь! Ну что ты хмуришься, ты только подумай, что ждёт нас сегодня ночью!

Марсалий ехал за ним молча, насупившись. «Что нас ждёт этой ночью? — думал он. — Скорее всего острый топор или предательский нож...»

Марсалий не верил ни одному слову жены разбойника и считал, что всё это только ловкая западня, чтобы заманить доверчивого аббата Иоанна в своё тайное убежище, а потом убить его, или потребовать за его жизнь непомерный выкуп.

Тем временем путники проехали мимо монастыря Босье. Из монастырских ворот выходили нищие с ломтями хлеба в руках и длинными свечами.

В домах крестьян уютно горели свечи. Женщины, закрывая лица от ветра, торопились в кладовые и выносили оттуда окорока и бочонки с пивом. Из овинов выбегали мальчики с охапками золотистой соломы, чтобы расстелить её на полу в горнице.

«Все готовятся встречать Божий праздник, — уже совсем упав духом, рассуждал Марсалий. — А нам надо готовиться принять смерть от рук безбожников...»

Но вот путники въехали в густой тёмный лес. Чем выше поднимались они, тем дорога становилась хуже. Копыта лошадей скользили по обледенелым сосновым иглам. Через горные ручьи не были перекинута даже

узкие мостки. Лошади с трудом перешагивали через лежащие поперёк дороги поваленные бурей деревья.

Из-под замёрзших болотных кочек слышались невнятные вздохи. Лёд вспучивался, казалось, злые болотные духи стараются выбраться наружу.

«Ох, недобрый это знак, не вернуться нам отсюда живыми... — со страхом думал Марсалий. — Будь они прокляты, эти разбойники...»

Пошёл тяжёлый мокрый снег. Аббат Иоанн уже еле держался в седле от усталости.

— Вот мы и дома! — радостно крикнул мальчуган.

Он указал на высокую скалу, уступами уходящую вверх. Внизу была небольшая дверь, сколоченная из грубых полусгнивших досок.

Ребёнок, напрягая все силёнки, отворил дверь, и аббат Иоанн увидел тёмную каменную пещеру.

Как всё здесь было бедно и убого! Закопчённый потолок, мёрзлые стены, голый земляной пол. Вместо постелей валялись охапки еловых веток. Разбойник, с головой укрывшись волчьей шкурой, спал в дальнем углу и сам был похож на свернувшегося зверя.

Посреди пещеры горел костёр. Языки пламени лизали днище чёрного котла. Жена разбойника что-то помешивала в котле длинной деревянной ложкой.

— Кто там? Войдите! — не оборачиваясь крикнула она. — И приведите сюда лошадей, если не хотите, чтоб они сдохли от ночной стужи! Все пятеро мальчишек стояли кружком и не отрываясь смотрели на кипящий котёл.

Жена разбойника сняла котёл с огня и поставила прямо на землю. Ребятишки с жадностью, обжигаясь, принялись хлебать жидкую похлёбку.

«Несчастные... — подумал аббат Иоанн. — Даже звери живут лучше в своих норах и берлогах».

Аббат Иоанн присел на охапку еловых веток и протянул к огню озябшие руки. — Как жаль, что твои сыновья не будут сегодня бегать по освещённым улицам, сказал он, с жалостью глядя на оборванных ребятишек. Они,

отталкивая друг друга, засовывали руки в пустой котёл и облизывали пальцы. — Если бы вы жили в селении, ты бы досыта накормила их, а потом они играли бы с другими детьми на рождественской соломе. А вечером, с зажжёнными свечами, вы бы все вместе пошли в Божий храм!

В это время разбойник проснулся. Он приподнялся на локте, тупо глядя на аббата Иоанна, ещё не очень понимая, что за гость у него в пещере. И вдруг, откинув шкуру, он одним прыжком вскочил на ноги и занёс над головой аббата Иоанна свои увесистые кулаки. Глаза его по-звериному вспыхнули красным огнём.

— Проклятый монах! — прорычал он сквозь стиснутые зубы. — Ты хочешь сманить у меня жену и детей? Разве ты не знаешь, что я, несчастный человек, не смею выйти из леса?

Аббат Иоанн без страха посмотрел ему прямо в глаза.

— Я надеюсь раздобыть для тебя вольную грамоту у архиепископа Авессалома, — сказал он.

Разбойник и его жена переглянулись и расхохотались грубо и насмешливо.

— Ты, верно, спятил, старик! — сказал разбойник с горечью и издёвкой. Лицо аббата Иоанна оставалось таким же спокойным и светлым.

— А что если я всё-таки достану тебе вольную грамоту? — кротко улыбнулся он.

— Тогда клянусь... — Голос разбойника дрогнул. — Клянусь, я скорее отрублю себе руку, чем протяну её к чужому добру!

Тут жена разбойника повернула голову, к чему-то чутко прислушиваясь.

— Мы тут сидим и болтаем! — воскликнула она. — А уже время идти в лес. Сейчас звон рождественских колоколов долетит до нашей пещеры!

Разбойник ногой распахнул дверь. Но свирепый ветер швырнул аббата Иоанна назад в пещеру. Было так темно, хоть глаз выколи. Со свистом сгибались верхушки вековых елей, от мороза потрескивали стволы старых

дубов. Аббат Иоанн тут же увяз в снегу, он задыхался от порывов ледяного ветра.

Вдруг откуда-то издалека донёсся чуть слышный звон колоколов.

«Разве может этот тихий звон разбудить мёртвый, застывший лес? — Сомнение вдруг проникло в душу аббата Иоанна. — Нет, это невозможно. Видно, всё-таки прав Марсалий, я, как малое дитя, поверил прекрасной сказке...»

Внезапно, невесть откуда взявшись, между деревьями пронёсся тёплый южный ветер. Снова послышался звон колоколов. Но теперь колокола звучали громко и торжественно.

В тот же миг среди заснеженных ветвей мелькнул тонкий дрожащий луч света. Он пробивался сквозь инистый туман, и вот глухая ночь перешла в слабый рассвет.

Аббат Иоанн увидел, что снег исчез, словно кто-то сдёрнул с земли белый ковёр, а под ним открылось что-то живое, шелковистое, нежно-зелёное. Папоротник выставил свои побеги, свёрнутые, как епископский посох. Вереск раскрыл мелкие цветы между камней.

«Неужели я, старый человек, удостоился увидеть такое чудо?» — Слезы благодарности потекли по щекам аббата Иоанна.

Южный ветер принёс ещё новую волну света. Листья на деревьях распустились, птицы начали порхать над поляной. Новая волна света рассеяла по траве семена из дальних стран. Семена пускали корни и давали побеги, стоило им только коснуться земли. Начали цвести черника и брусника. Гуси и журавли кричали высоко в небе. Белки, как золотые огоньки, перескакивали с ветки на ветку.

Звон колоколов плыл над поляной, и всё менялось прямо на глазах. Повеяло запахом вспаханных полей. Издалека было слышно, как пастушка сзывает коров, как звенят колокольчики ягнят.

Аббат Иоанн нагнулся и сорвал белый цветок земляники. Пока он выпрямился, чтобы получше рассмотреть цветок, ягода уже созрела.

Лисица вышла из норы с целым выводком черноногих лисят. Она без страха подошла к жене разбойника и стала тереться об её ноги.

Разбойник стоял в болоте и обирал с куста ежевику. Мимо него прошёл косолапый бурый медведь. Разбойник сломал ивовый прут и слегка стегнул медведя по морде.

— Иди в свою берлогу, — сказал он, и медведь скрылся за кустами малины.

Колокола звонили теперь так полнозвучно и гулко, словно они летали над поляной, и им вторили певучие голоса птиц. Пчелиный улей в дупле переполнился мёдом, и золотистые капли потекли по корявому стволу.

Дети разбойника до отвала наелись спелых ягод, орехов, перемазались соком черники. Пальцы у них слиплись от сладкого мёда.

— Матушка, можно помыться в ручье? Вода такая тёплая! — крикнул один из малышей.

Жена разбойника откинула волосы со лба и перевязала их на затылке пучком длинной травы. Аббат Иоанн смог впервые разглядеть её лицо. Оно было худое и измождённое, и всё же удивительно красивое.

Малыши с криками радости плескались в ручье. Они были худенькие, лопатки торчали, а ноги были покрыты коростой, но их голубые глаза сияли, а светлые волосы, быстро высохнув под лучами жаркого солнца, блестели, как шёлк.

Аббат Иоанн стоял по пояс в душистой траве. Белые лилии, тюльпаны, розы тянулись к нему со всех сторон. И каждый цветок был окружён дрожащим венчиком света.

Тут аббат вспомнил о цветке для епископа Авессалома.

«Какой же цветок мне сорвать для него? — Он оглянулся, не зная, на чём остановить свой выбор. — Этот? Или вот этот? Они все одинаково прекрасны. Уж и не знаю, какую ещё земную прелесть может принести новая волна света?..»

Чуть поодаль от него стоял послушник Марсалий. Чем прекрасней было то, что он видел, тем мрачнее становилось у него на душе.

«Господь не может расточать такое великолепие разбойникам, — думал он. — Нет, это не дар Божий! Это всё бесовское наваждение. Дьявол заморозил нас, это лишь адское колдовство!..»

Вдруг все стихло. Птицы умолкли, бабочки опустились на цветы, лиса улеглась, положив морду на лапы.

И вот откуда-то издалека слышались тонкие переливы арфы и стройное пение.

Аббат Иоанн молитвенно сложил ладони и опустился на колени.

— Боже, благодарю тебя, — прошептал он. — Ты даровал мне, простому грешному человеку, радость услышать райское пение в рождественскую ночь!

Но послушник Марсалий, услышав чудесное пение и звуки арф, затрясся и с трудом устоял на ногах.

«Дьявол нарочно заманил нас в это проклятое место! — Зубы Марсалия стучали, пот катился по лицу, туман застилал глаза. — Но вам меня не провести, кем бы вы ни прикинулись. Это всё бесовский обман!..»

Содрогаясь от ужаса, Марсалий закрыл лицо руками, чтоб ничего не видеть и не слышать.

Колокола зазвучали теперь тише, напевней, чтоб не заглушать дивное пение ангелов. Казалось, поёт само небо. Аббат Иоанн увидел сквозные сияющие крылья между стволами деревьев.

Птицы вились над головой аббата Иоанна. Белый лесной голубь доверчиво опустился на плечо Марсалия и потёрся головкой об его щёку. Марсалий вздрогнул, будто сам дьявол тронул его за плечо. Он размахнулся и изо всей силы ударил голубя.

— Сгинь в преисподнюю, откуда ты пришёл! — диким голосом крикнул Марсалий, так что гулкое эхо прокатилось по всему лесу.

Ангелы были уже так близко, что аббат Иоанн чувствовал на лице веяние крыльев и различал между ветвей их сияющие одежды. Он склонился до земли, чтоб приветствовать небесных гостей.

— Прочь отсюда, проклятые! — как безумный, вновь завопил Марсалий.

Его злобный вопль словно расколол лазурный купол неба. Всё содрогнулось. Как золотые соломинки посыпались на землю обломки солнечных лучей. Смолкло ангельское пение, угасая, скрылись снежно-белые крылья.

Улетел тёплый ветер. Цветы поблекли, звери, пригибаясь к земле, разбежались. Опала листва с деревьев, шумя как дождь.

Темнота и холод затопили всё вокруг.

«Боже, Боже!.. — в отчаянии подумал аббат Иоанн. — Мне не пережить этого! Ангелы были так близко, а их отвергли, они хотели спеть рождественские песни, а их прогнали!..»

Первые снежинки закружились в воздухе.

«Цветок!.. Цветок для архиепископа Авессалома...» — вдруг вспомнил аббат Иоанн.

Он начал торопливо шарить под увядающей травой и листьями в надежде найти последний цветок. Но он чувствовал, как земля твердеет и смерзается комьями под его пальцами.

Густой снег падал ему на плечи и печально укрывал белой пеленой всё вокруг.

Аббат Иоанн почувствовал, что ледяная игла вонзилась прямо в его сердце. Рождественский сад умер... Эта боль была непереносима.

— Боже, прости нас, грешных... — прошептал аббат Иоанн.

Силы оставили его, и он с тихим вздохом опустился на землю.

Когда разбойник, его жена и притихшие ребятишки, а вместе с ними Марсалий, вернулись в пещеру, они увидели, что аббата Иоанна нет среди них.

Они выхватили из костра горящие головни и бросились на поиски.

Они нашли его на поляне. Аббат Иоанн лежал полужасыпанный снегом. Он был мёртв. Марсалий в отчаянии вскрикнул и упал в снег рядом с аббатом Иоанном.

— Я, я один виноват в смерти этого святого человека! — зарыдал Марсалий, ломая руки. — Я отнял у него небесную радость, а он так жаждал её...

Аббата Иоанна со всеми почестями перенесли в монастырь Овед.

Народ со всей округи собрался на похороны. Женщины плакали и скорбели. К гробу подвели полуслепую старуху, поддерживая её, чтоб она могла проститься с любимым аббатом.

— Или вы не видите, люди! — воскликнула старуха дрожащим голосом. — Аббат Иоанн что-то держит в руке. Он что-то держит в руке и хочет вам отдать!

— Старуха, видно, сошла с ума от горя, — сказали те, кто стоял рядом. — Ведь она совсем слепа, вот и мелет невесть что!

Но Марсалий наклонился над гробом и увидел, что правая рука аббата Иоанна крепко сжата. Он осторожно разжал холодные пальцы аббата и увидел тонкий белый корешок...